И.Г.Добродомов

ГОТСКИЕ ДЕВЫ И *РУССКОЕ ЗЛАТО* В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

Загадочные *готские девы*, упомянутые в следующем контексте «Слова о полку Игореве»: «Се бо Готскія красные дѣвы въспѣша на бревѣ синему морю. Звоня Рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю» (с. 25—26 первого издания),— вызвали следующее недоумение первых издателей памятника: «По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвамъ Русское золото, сообразить не возможно».

Применительно к пониманию выражения *Готскія дѣвы* возникла большая литература, в которой можно выделить четыре различных направления:

приземленно-историческое,
конъюнктурно-фантастическое,
скептическое,
поэтическое.

Наиболее популярное приземленно-историческое направление связано с многочисленными попытками найти каких-либо готов и приписать им радость по поводу победы половцев или поражения Игоря.

В качестве таких гóтов чаще всего видят гóтов крымских, как это весьма подробно изложено в обстоятельной статье А.Н.Карсанова «"Готские девы" в "Слове о полку Игореве"» («Герменевтика древнерусской литературы XI—XIV вв.» Сб. 5, М., 1992. С. 99—112).

Гóтов Приазовья видел здесь А.А.Куник в своей статье «О записке готского топарха (По поводу новых открытий о таманской Руси и крымских Готах)» (Записки имп. Академии наук. Т. 24, книжка 1. СПб., 1874. С. 141), на основе отожествления *Синего моря* в «Слове о полку Игореве» с *Азовским морем*.

Готов, населявших приморские города к югу от устья Дуная, готов видеть здесь А.Л.Никитин в статье «К вопросу стратификации "Слова о полку Игореве"» («Герменевтика древнерусской литературы». Сб. 1: XI–XVI века. М., 1989. С. 148–153).

Весьма популярным было обращение к тмутороканским готам — «тетракситам», чего в течение более чем трех десятилетий придерживался в редакции В.В.Мавродина[1] академик Д.С.Лихачев (последний раз в книге: Лихачев Д.С. «"Слово о полку Игореве" и культура его времени». Л., 1978. С. 109–112. Впервые: «Исторический и политический кругозор автора "Слова о полку Игореве"» // «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей под ред. В.П.Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950. С. 26–27).

Во втором издании своей книги «"Слово о полку Игореве" и культура его времени» (Л., 1985. С. 170–172) Д.С.Лихачев неожиданно перешел к другой точке зрения, возникшей под влиянием ошибочных соображений М.А.Салминой о том, что *готские девы* пели на острове *Готланд* в Балтийском море. *Ранее* такую точку зрения высказывал Ив.М.Кудрявцев в неопубликованной статье, известной нам по пересказу Ф.М.Головенченки[2].

Столь же неудачна была и моя попытка найти готское население в зоне похода князя Игоря 1185 года с опорой на топоним *Готня* (в современной Белгородской области), предпринятая в тезисах так и не состоявшегося доклада «Готские девы "Слова о полку Игореве" и проблемы готской топонимии в Северном Причерноморье»[3].

Трудности в истолковании загадочного образа готских дев, поскольку готский период в истории Южнорусских степей (Северного Причерноморья) относится к III–IV вв. н.э. и никак не соприкасается с половецким (куманским) периодом XI–XIII вв., заставляли некоторых любителей сомневаться в правильности прочтения *готскія дѣвы* и вносить в текст ничем не оправдываемые конъектуры: в одних случаях начало фразы произвольно искажается и читается без учета особенностей древнерусской орфографии *се бог отьский*, что, по мнению конъектурщика, якобы является внесенной в текст маргинальной глоссой к недалеко впереди стоящему слову *Дивъ*; в других — произвольно же предлагают вместо *готскія* читать *хотскія*, то есть якобы «желанные»; в третьих — видят одновременно и фантастических *богов отьских*, и *гатьских дев*, т.е. русалок (вблизи гатей), и даже *Го(спод)ьских дев*, т.е. монашек («невесты Господни»)[4].

Эти конъектурно-фантастические домыслы дилетантов не попали даже в пятитомную «Энциклопедию "Слова о полку Игореве"», уделяющую и дилетантам довольно много внимания, вперемежку со специалистами. Также не отражены здесь и скептические взгляды, а взгляды в связи с поэтическим отожествлением готских дев и половцев лишь безадресно упомянуты под словом *девы*: «высказы-

валось также мнение, что готами в "Слове" названы половцы» (т. II. С. 97).

Безнадежность всех предложенных в литературе суждений о готских девах заставило известного медиевиста М.Ф.Мурьянова прибегнуть к предложению «об издательских вставках в текст», как резюмировал соображения этого исследователя А.Б.Страхов, издатель его книги («Слово о полку Игореве» в контексте европейского средневековья. Вступительная статья и комментарии О.Н.Трубачева. Комментарии и послесловие А.Б.Страхова // Palaeoslavica, vol. IV /1996/ Cambridge, Massachusetts. С. 96—101, 234)[5].

По мнению М.Ф.Мурьянова, видевший рукопись «Слова о полку Игореве» Н.М.Карамзин «выразил недоверие к тексту издания в интересующем нас месте, как это видно по его пересказу-переводу «Слова о полку Игореве»: «Половцы, торжествуя, ведут Игоря в плен и девицы их[6] поют веселые песни на берегу синего моря, звеня русским золотом» (с. 96—97).

М.Ф.Мурьянова особенно смущало слово *готскїя*, «как это значится в первоначальном тексте "Слова о полку Игореве". Но это ли слово стояло в рукописи, разборчиво ли оно было написано, не прочитали ли публикаторы то, что им хотелось прочесть, и почему с этим прочтением не согласился Н.М.Карамзин?» (с. 99). Гóтов, по мнению М.Ф.Мурьянова, Древняя Русь знала плохо, однако «когда готовилась первая публикация "Слова о полку Игореве", русское общество имело некоторое представление и об истинных готах Северного Причерноморья эпохи Великого переселения народов; об этих готах писал, в частности, С.С.Бобров («Херсонида». 1798—1804). Здесь остатки готов действительно обитали во время Игорева похода, когда в Европе уже никто не считал себя готом. Этот исторически достоверный факт доныне тревожит воображение — и питает пустую надежду, что именно их имел в виду поэт "Слова о полку Игореве"» (с. 100).

В послесловии к книге М.Ф.Мурьянова ее издатель А.Б.Страхов пошел еще дальше и увидел в этих словах покойного автора вынужденную попытку «заговорить об издательских вставках в текст («Готскїя дѣвы»)» (с. 234) *древней поэмы*.

Со всем этим, однако, нельзя согласиться по целому ряду причин, поскольку Н.М.Карамзин нисколько не сомневался в данном случае по поводу тексту издания и вполне убедительно, хотя и без особых обоснований, в красных готских девах чисто поэтическим чутьем уловил здесь дев половецких (д е в и ц ы и х), никак не выразив сомнения в тексте.

Н.М.Карамзин фактически начал традицию чисто художественного отождествления готских красных дев и красных девок половецких, ранее упомянутых в другом месте памятника (с. 10—11 первого издания).

Такое поэтическое отожествление готских дев с половецкими фигурировало и у некоторых других исследователей «Слова о полку Игореве», а также у некоторых переводчиков и дилетантов, но оно обычно высказывалось попутно, без особого мотивирования и терялось в массе других соображений, как это имело место у С.П.Шевырева (в изложении Е.В.Барсова):

«Готские девы то же, что Половецкие, а о половецких песнях говорит также летопись: Сырчан, хан Половецкий, загнанный за Дон Владимиром Мономахом, а потом оживший рыбою, как выражается летопись, узнав о смерти Владимира, посылает в радости к своему брату гудца и велит ему петь песни Половецкие»[7].

Сторонники поэтического подхода, отправляясь от загадочных готских дев, высказываются за отожествление готских и половецких дев на фоне довольно рискованных суждений. Например, Д.И.Проворовский в своем «Новом опыте объяснительного изложения "Слова о полку Игореве"» считает, что «в образе шумящих ворон и готских дев представлены мифические существа, подобные древним вакханкам, неистово пирующим в честь Буса и во славу Шарокана»: «В образе Готских дев поэт, мне кажется, представил ликования Половцов по случаю победы над Игорем»[8].

Галицийского педагога-филолога и историка Е.О.Партицкого загадочные *готскія дѣвы* подвигли на попытку увидеть в «Слове о полку Игореве» следы сильного скандинавского влияния:

«Наткнув ся я на выражене "красныя готскыя дѣвы" и ту одкрыв ся мене в поэмате целый, доси неким незамеченый свет повночной митологии» (с.4). Он считает готских дев валькириями, управляющими судьбами войн и принимавшими участие в дележе добычи, и видит поэтический образ для половцев: «половецки девчата звонят русским золотом»[9].

Экстравагантными суждениями затемнялось заслуживающее гораздо большего внимания художественное отожествление готов и половцев.

Принципиальную позицию по поводу отожествления образов *красныя дѣвкы половецкыя* и *готскія красные дѣвы* обозначила лишь переводчица Софья Козленицкая:

«<...> *предоставляя ученым разъяснять*, каким образом *готскія* девушки могли звенеть русским золотом, прославляя половецких ханов: *время Бусово* и *месть Шараканю* (так!) — я принимаю дающее большую художественную цельность предположение, что слово *готскія* возможно заменить словом *половецкія* <...>[10].

Некоторый нерешительный шаг в сторону отожествления готских и половецких дев сделал А.С.Орлов, хотя в целом остался на позициях поиска готов реальных: «Если Готьскыя <форма Екатерининской копии — И.Д.> не считать ошибкой вместо книжного

Готфская (т.е. варварские), то естественно, следует отнести это название к готам, севшим на берегах Черного и Азовского морей во второй половине II в. н.э. и там уцелевшим в остатках»[11].

Поэт и дилетант О.Сулейменов в развитие этой идеи не названного им А.С.Орлова одно время решительно считал, что автор «Слова о полку Игореве» этноним *готы* «мог употребить, обозначая причерноморских кочевников-половцев»[12], но впоследствии без особой мотивировки незаметно и решительно перешел к уже упомянутым фантастическим конъектурам.

Между тем, для чисто интуитивного поэтического отожествления готских красных дев с красными девками половецкими имеются неоспоримые исторические свидетельства, правда относящиеся к более позднему времени.

Когда византийский историк конца XIII — начала XIV века Георгий Пахимер говорит о покоренных Ногаем из Тохарцев, которые именовались Монголами (Μυγούλιοι), племенах к северу Евксинского Понта: Аланах, Хикхак, Готах и Руссах, усваивающих их язык и, по обычаю, нравы, одежду и ставшими их союзниками на войне[13], то под готами, скорее всего, надо понимать половцев, которые до прихода татар вместе с менее многочисленными аланами господствовали в Южнорусских степях Северного Причерноморья: половцы фигурируют здесь под именем готов, которых в XIII веке здесь уже давно не было — вопреки соображениям В.В.Мавродина[14].

От более позднего времени дошли сведения об отожествлении готов с половцами на основании проживания их в разное время на одной и той же территории Северного Причерноморья.

Отожествление половцев с готами содержится в «Трактате о двух Сарматиях» (1517 г.) польского географа и историка Матвея Меховского, который говорит об этом в связи с событиями, ошибочно датируемыми у него 1211 годом, когда «татарское племя <gens Tartarorum> ...пришло от предгорий Индии <de submontibus Indiae> к половцам <ad Polowczos>»: «Половцы <Polwci> — это племя, обитающее по северному берегу Эвксинского моря, за Меотидскими болотами, которое другие называют готтами <quos allii Gothos appellant>»[15].

Современник этого польского автора Альберт Кампензе в «Письме Его Святейшему Папе Клименту VII о делах Московии» (1523 или 1524 г.) об этих победах татар говорит, используя только термин *геты* <Gethi>, или *готы* <Gothi>: «<...> около 1210 года Татары, прибыв от Северо-индийского хребта, заняли все земли выше Меотийских болот и Танаиса лежащие, вытеснив из них и почти совершенно истребив прежних обитателей: гетов или готов»[16], но, безусловно, здесь речь идет о половцах.

Для нас особенно важным представляется свидетельство С.Герберштейна (1486–1566) о том, что такое отожествление половцев с готами было хорошо известно и на Руси: «Русские утверждают, будто половцы — это готы, но я не разделяю этого мнения»[17]. К сожалению, С.Герберштейн не ссылается на использованный им источник этих сведений, которые он излагает после общей ссылки на сообщения русских летописей о татарах, а также непосредственно после полемики с Матвеем Меховским о происхождении этнонима *половцы*.

Сохранившееся даже в XVI веке представление о тождестве готов и половцев, обитавших на одной и той же территории Северного Причерноморья соответственно в III–IV вв. и в XI–XIII вв., было, вероятно, гораздо более актуальным в эпоху «Слова о полку Игореве», когда один из этих народов — половцы — реально проживал на той же территории, где раньше обитали готы. Последние считались предками более новых обитателей на их старой территории.

Мы не знаем в известных нам русских летописях отожествления *готов* с *половцами*, но последние в старинной русской лексикографии (в азбуковниках) часто отожествляются с *татарами*, с которыми также отожествляются *ковары* (казары), *скифы* и *готфы*.

Ограничимся приведением лишь двух отожествлений:

1) в половецко-русском словарике «Толк языка половецкого» по спискам XVI–XVII вв.: «сарракине — половчане, рекше тотарове»[18];

2) в азбуковнике начала XVII века «Книга, глаголемая алфавит, содержащая в себе толкование неудобь разумеваемых речей, иже обретаются во святых книгах словенского языка, иностранными глаголании положены»: «готфы, скифьския татарове иж(е) живут во странѣ северней, нарицаемей внутреняя варвария сириискаа, а пошли готфы от татар, а инде пишет(ся), яко пошли готфы от татар, а инде пишет(ся), яко пошли готфы от нѣмець»[19].

Как видим, русским книжникам была небезызвестна и германская генеалогия готов, которая принята и современной наукой.

Отожествление готских красных дев с красными девками половецкими помогает не только ответить на недоумение первых издателей «Слова»: «По какой связи сія одержанная Половцами побѣда могла доставить Готфскимъ дѣвам Русское золото, сообразить не возможно»,— но и объединить в единый образ все четыре употребления поэтического слова *злато* в произведении.

Во всех четырех случаях речь идет о трофейном золоте, которое было захвачено русичами вместе с красными девками половецкими в первом же бою: «Съ заранія въ пят<о>къ потопташа поганыя плъкы Половецкыя; и рассушась стрѣлами по полю, помчаша крас-

ныя дѣвкы Половецкыя, а съ ними злато, и паволокы и драгыя оксамиты <...>» (с. 10–11 первого издания).

Но последующее поражение русичей лишило их не только свободы, но и богатой добычи, поэтому «Жены Рускія въсплакашась аркучи: уже намъ своихъ милыхъ ладъ не мыслїю смыслити, ни думою сдумати, ни очима съглядати, а злата и сребра ни мало того потрепати» (с. 20).

По этому поводу потери золота, которое лишь на короткий момент побывало русским и вновь вернулось в половецкие степи, сетуют даже посторонние, осуждая неудачника в противоположность прославлению победителя Святослава: «Ту нѣмцы и Венедицы, ту Грецы и Морава поютъ славу Святославлю, каютъ Князя Игоря, иже погрузи жиръ во днѣ Каялы рѣкы Половецкія, Рускаго злата насыпаша» (с. 20).

Вернувшееся к готским-половецким девам после кратковременного пребывания в руках русичей золото для автора «Слова» остается русским, что он и подчеркивает в словах, с анализа которых начиналась данная заметка.

Что касается несколько неожиданного предположения М.А.Салминой относительно упоминания *готов* во фразе о бегстве половцев от приближающегося русского войска: «А Половци неготовами дорогами побѣгоша къ Дону Великому...» (с. 9), как якобы «не готовыми дорогами», «не дорогами гóтов»,— то оно весьма уязвимо прежде всего словообразовательно, как и еще более фантастические соображения о *времени Бусовом* как *об эпохе кораблей бус*[20], и принято быть не может. Экстравагантные *Готовы дороги* вместо *готские* совершенно ничего не проясняют, а ставят только новые вопросы, как и старое желание А.Ф.Вельтмана найти *готов* в темном месте заключительной части «Слова» — в конце слов автора, вводящих прямую речь Бояна (и Ходыны?): «Рекъ Боянъ и ходы на Святъславля пѣснотворца стараго времени Ярославля Ольгова Когана хоти: тяжко ти головы, кромѣ плечю; зло ти тѣлу, кромѣ *головы*<...>» (с. 44).

А.Ф.Вельтман полагал, что здесь имеются в виду *Коганя Готи* и это относится к «Хазарии, называвшейся в то время и Гофией», но это ясности не прибавило.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940. С. 260–267. О готах-тетракситах см.: Васильевский В.Г. Русско-византийские отрывки. VII. Житие Иоанна Готского // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. 195, 1878, январь. С. 103–112 (= Труды В.Г.Васильевского. Т. 2. СПб., 1912. С. 370–380). Автор лишь предположи-

тельно упоминает здесь *готских дев* «Слова», что ему приписывается категорически в «Энциклопедии «Слова о полку Игореве». Т. II. СПб., 1995. С. 53.

[2] Головенченко Ф.М. Слово о полку Игореве. Историко-литературный и библиографический очерк (= Ученые записки Московского государственного педагогического института. Т. LXXXII, вып. 6). М., 1955. С. 459.

[3] Шоста республіканська ономастична конференція 4–6 грудня 1990 року. Тези доповідей та повідомлень, І. Теоретична та Історична ономастика. Літературна ономастика. Одеса, 1990. С. 19–20.

[4] Сулейменов О. Аз и я. Алма-Ата, 1975. С. 75–77; Черков И.Ф. Перевод «Слова о полку Игореве» (на русском и украинском языках). М., 1994. С. 46; Переяслов Н.В. «Сваты попоища, а сами полегоша...» // Русское эхо. Самара, 1995, № 2. С. 53–54.

[5] Ср. ранее также: Borschak ;I. Les «jeunes filles gothes» du Slovo d'Igor // Revue des études slaves, t. 26. Paris, 1950, p. 137–138.

[6] В примечании (№ 265) к сочетанию *девицы их* Н.М.Карамзин написал: «Се бо *Готские* красные девы... Звоня Руским златом», и проч. Со времени славного Германариха жили Готфы <...> в Тавриде, где властвовали тогда Половцы». См.: Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. Т.II–III. М., 1991. С. 476, 613. Этого примечания не учел М.Ф.Мурьянов.

[7] Барсов Е.В. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. Т. III. Лексикология «Слова» (А-М). М., 1889. С. 169.

[8] Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. Т. 3. Спб., 1882. С. 271, 273 (Отд. оттиск: СПб., 1881. С. 61–63).

[9] Партыцкий Е.О. Темни мѣстцы в «Словѣ о пльку Игоревѣ». Ч. I. Львов, 1883. С. 4, 29.

[10] Старая Украйна. Сборник дум, песен, легенд, переработанных с малороссийского по-русски С.Козленицкой. Пг., 1916. С. 240.

[11] Орлов А.С. Слово о полку Игореве, 2-е доп. изд. М.—Л., 1946. С. 119–120.

[12] Сулейменов О. Босый волк и напевы готских дев // Простор. Алма-Ата, 1962, № 6. С. 110.

[13] Георгия Пахимера. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Т. I. СПб., 1862. С. 316–317.

[14] Мавродин В.В. Очерки истории Левобережной Украины (с древнейших времен до второй половины XIV века). Л., 1940. С. 267.

[15] Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях. М.—Л., 1936. С. 47, 129.

[16] Семенов В.Н. Библиотека иностранных писателей о России. СПб., 1836. Т. I, отд.III. С. 16, 60.

[17] Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 165.

[18] Алексеев М.П. Словари иностранных языков в русском азбуковнике XVII века. Л., 1968. С. 27.

[19] Ковтун Л.С. Азбуковники XVI–XVII вв. Старшая разновидность. Л., 1989. С. 172; ср. также 164, 207, 215, 254.

[20] Салмина М.А. Из комментария к «Слову о полку Игореве» // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ. Т. 36. Л., 1981. С. 228–229. Ср.: Добродомов И.Г. Время Бусово в «Слове о полку Игореве» и время бус в XVII веке // Русский филологический вестник. Т. 81, 1996, № 2. С. 82–83.

[21] Вельтман А.Ф. Слово об ополчении Игоря Святославича, князя Новгород-Северского, на Половцев, в 1185 году. Изд. 2-е. М., 1866. С. 29, 79–80.